

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА И СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Владислав Александрович Коган^а

DOI: 10.22394/2070-8378-2023-25-6-23-29

а Академия труда и социальных отношений

Аннотация: Автор отмечает, что динамичное развитие наследственного права в последние два десятилетия (с 2002 года – года вступления в силу третьей части Гражданского кодекса России), нотариальная и судебная практика применения обусловили внимание к изучению истории и современного состояния наследственного преемства в России. Активно развиваются судебная и нотариальная практика реализации норм институтов наследственного права; появляются новые институты, в частности, наследственного договора и совместного завещания супругов. Автор подчеркивает необходимость исследования причин и целей введения этих институтов, определения общих черт и различий этих институтов между собой. Особое внимание следует обратить на то, что оба института имеют иностранные корни, поэтому их имплементация в правовую систему России предполагает анализ проблем их применения в тех странах, в которых эти институты сформировались и получили правоприменительную практику. Указанные изменения еще более тесно связывают гражданско-правовое регулирование и вопросы развития семейного права.

Ключевые слова: наследственное преемство, наследственный договор, совместное завещание супругов, семейная концепция, концепция диспозитивности

Дата поступления статьи в редакцию: 9 ноября 2023 года.

PROSPECTS FOR DEVELOPING LEGAL REGULATION OF INHERITANCE CONTRACTS AND JOINT WILLS IN THE RUSSIAN FEDERATION

RESEARCH ARTICLE

Vladislav A. Kogan^a

а Academy of Labor and Social Relations

Abstract: The study of the evolution of inheritance succession in Russia has gained attention due to the rapid development of inheritance law over the past 20 years (the third part of the Russian Civil Code came into effect in 2002), as well as changes in notarial and judicial practice. Implementation of the new norms of the inheritance law institutions by judges and notaries is constantly evolving. New institutions, such as the institutions of joint wills and inheritance contracts between spouses, are becoming more prevalent. The author emphasizes the need to study the reasons and purposes for introducing these institutions to determine the general features and differences between them. Given that both institutions have foreign origins, we should pay close attention to how they were integrated into the Russian legal system. This requires an examination of the challenges associated with applying these institutions in the countries where they were established and where they received law enforcement practice. These changes connect the civil law regulation and family law development issues more closely.

Keywords: hereditary succession, inheritance contract, joint will of spouses, family concept, dispositive concept

Received: November 9, 2023.

Нормы и правила

Введение

Потребности развития наследственного преемства в отечественном праве обосновываются связанностью уровня развития наследственного права с уровнем развития экономики, промышленности, финансового сектора. Так было всегда на протяжении истории. Примерами могут служить процессы индустриализации, формирования капиталистических отношений в России в XIX веке, когда правовое регулирование наследственного преемства России не соответствовало социально-экономическому развитию страны, что привело к существенным изменениям в этой сфере. Именно такие обстоятельства обусловили динамичное развитие наследственного права в России в начале XX века. Они же (изменения социально-экономических отношений, самого общественного строя) обусловили изменения в регулировании наследственных отношений после Октябрьской революции.

Эта же зависимость проявилась в 1990-е годы, когда также имело место несоответствие права задачам развития экономики. Изменения в структуре российского общества и национальной экономики привели к значимым изменениям в наследственном праве в первые двадцать лет XXI века.

Усиливается международная составляющая в вопросах наследственного преемства. Примерно половина международных гражданских дел представляет собой дела по урегулированию наследственных вопросов. Значительно увеличивается количество гражданских и административных дел с иностранным элементом в России, других странах постсоветского пространства. Появление иностранного элемента приводит к интернационализации наследственного дела, обращению к нормам международного частного права, прежде всего коллизионным. Это происходит в следующих случаях:

- а) если проживающий в России наследодатель имеет иностранное гражданство;
- б) если у российского наследодателя есть имущество за рубежом;
- в) если наследники являются российскими гражданами, но постоянно проживают за рубежом.

Но далеко не все актуальные новые механизмы осуществления наследственного преемства проработаны на должном теоретическом уровне, имеют развитую судебную практику разрешения споров. Это общее утверждение применимо и к предметам настоящего исследования.

Направления развития регулирования наследственного права

Среди проблем наследственного договора, которые только предстоит разрешить российской правовой доктрине, особо следует отметить отсутствие четкого понимания и регламентации целого комплекса вопросов:

– Имеется ли потенциальное право наследодателя уже после заключения наследственного договора составить завещание?

– Означает ли заключение наследственного договора отмену и прекращение действия составленного до договора завещания?

– Обладает ли наследодатель правом в наследственном договоре отстранить наследников от получения наследства после его смерти?

Приведем несколько аспектов наследственного договора, которые должны получить уточнение в ходе правоприменительной практики и последующей детализации правового регулирования.

1) Наследственный договор не может содержать положений, которыми лишались бы права на получение обязательной доли в наследстве определенные категории лиц. Тем самым провоцируются споры после смерти наследополучателя, если интересы этих лиц были нарушены при заключении наследственного договора. Впрочем, отказаться от наследственного договора вправе и наследополучатель. Он может сделать это как при жизни наследодателя, так и после его смерти, что повлечет за собой неопределенность в выполнении воли наследодателя.

2) Наследополучатель по наследственному договору после смерти наследодателя может быть признан недостойным наследником, следовательно, закрепленные в наследственном договоре положения будут признаны не имеющими юридической силы.

3) Другой характерной чертой наследственного договора, в данном случае принципиально отличающей его от завещания, является то обстоятельство, что содержание наследственного договора не охраняется завещательной тайной. Более того, чтобы получить информацию о заключении наследственного договора, можно просто войти в федеральный реестр нотариальных действий. Следовательно, заинтересованные лица вполне могут оспорить его положения, если условия наследственного договора нарушают интересы других лиц либо противоречат закону.

4) Ни законодательство, ни разъяснения в порядке толкования не раскрывают соотношения наследственного договора и завещания в контексте того, положения какого из актов являются более значимыми и подлежащими применению. Этот пробел требует разрешения. В качестве механизма устранения проблемы можно предложить действовать по принципу, применяемому в отношении завещаний: действует документ, подписанный позднее. Хотя применительно к наследственным договорам действует совершенно противоположное правило: при заключении нескольких наследственных договоров в отношении одного и того же имущества, действующим считается самое раннее из подписанных соглашений.

Подходы к регулированию наследственного договора

Что же касается соотношения силы наследственного договора и положений, закрепленных в завещании, то российской юридической практике предстоит столкнуться с коллизиями, которые пока не имеют своего законодательного разрешения. Что предпочесть и за положениями какого акта (наследственного договора или завещания) закрепить приоритет?

Гражданское законодательство почти во всех странах европейской континентальной системы, которые признают институт наследственного договора, утверждает приоритет наследственного договора над наследственным преемством по завещанию, которое, в свою очередь, имеет приоритет над наследственным преемством по закону.

Например, в Германии заключение наследственного договора приводит к недействительности всех противоречащих ему завещаний вне зависимости от того, были ли это предшествующие договору завещания или они были оформлены после заключения договора. В статье 95 Наследственного закона Эстонии и статье 389 Гражданского кодекса Латвии четко закрепляется приоритет наследственного договора над завещанием и приоритет наследственного договора и завещания над наследованием по закону [Пилипсон, 2022. С. 63–71]. При этом подобный приоритет не распространяется на взаимные соглашения о наследовании супругов, каждый из которых имеет право на отзыв договора. Но, несмотря на практически повсеместное согласие с подобной иерархией, степень приоритетности различается от юрисдикции к юрисдикции.

Если попытаться распределить степень закреплённости приоритета наследственного договора по шкале возрастания силы, то максимальный приоритет нашел закрепление в Гражданском кодексе Венгрии 2013 года. Согласно его положениям, если иное не согласовано сторонами, договоренности наследодателя об отчуждении или каком-либо обременении имущества, ставшего предметом наследственного договора, при жизни или после его смерти ничтожны (статья 7:50). Минимальный уровень приоритетности закреплён в Гражданском кодексе России: наследственный договор не только не может ограничивать действие наследодателя до смерти или в случае смерти, но и не ограничивает другое соглашение или завещание по распоряжению наследственным имуществом. Пункт 12 статьи 1140.1 Гражданского кодекса России утверждает, что после заключения наследственного договора наследодатель вправе совершать любые сделки в отношении принадлежащего ему имущества и иным образом распоряжаться принадлежащим ему имуществом своей волей и в своем интересе, даже если такое распоряжение ли-

шит лицо, которое может быть призвано к наследованию, прав на имущество наследодателя. Соглашение об ином – ничтожно.

Вопросы морали и соблюдение прав сторон при заключении наследственного договора

Действительно, наследственный договор может отозвать предшествующее ему завещание, но последующее завещание не может отозвать заключенный наследственный договор. При этом возможность совершения любых сделок делает тезис о приоритете наследственного договора во многом декларативным. Из-за него наследникам достаточно трудно считать наследственный договор сильным публичным актом.

Вопросы морали при заключении наследственного договора побуждают рассмотреть и аспекты, когда одна из сторон договора (наследополучатель или наследодатель) ведут себя непорядочно. Порядочность – это оценочная категория, не имеющая правового содержания, однако вполне правовое содержание и правовые последствия могут иметь намерения сторон при подписании наследственного договора. Этот аспект должен быть подробно раскрыт в отношении обеих сторон договора.

В контексте защиты прав наследополучателя важно отметить, что заключение наследственного договора не ограничивает права распоряжения наследодателем имуществом при жизни. То есть потенциальный наследодатель вправе продать это имущество, подарить, распорядиться иным образом. Это право соответствует всем принципам гражданского права и не может быть ограничено наследственным договором. Однако при этом не учитываются и не защищаются интересы другой стороны наследственного договора – наследополучателя. Это могут быть не только интересы, связанные с потенциальной потерей имущественной массы, на которую он рассчитывал по наследственному договору, но и интересы компенсации прямых понесенных им убытков, имеющих денежное выражение.

В частности, при подписании наследственного договора на потенциального наследополучателя могут быть возложены конкретные обязательства, в том числе по содержанию потенциального наследодателя, оказанию ему тех или иных услуг. Эти обязательства и услуги могут как иметь конкретное денежное выражение, так и заключаться в иных преимульствах для наследодателя. Следовательно, при распоряжении наследодателем этим имуществом и исключении его из имущественной массы наследополучатель вправе обратиться за компенсацией понесенных им расходов.

Наследодатель при заключении наследственного договора может преследовать негодные, корыстные

Нормы и правила

цели. Например, наследодатель изначально может запланировать получать от наследодателя по наследственному договору деньги (ежемесячно, регулярно, разово), иные услуги, после чего распорядиться этим имуществом по своему усмотрению.

Таким образом, неподобающе (в терминах римского права – «аморально») может повести себя не только потенциальный наследополучатель, но и наследодатель, который обладает возможностью получать на протяжении значительного времени услуги и денежные средства по наследственному договору, а затем свободно распорядиться принадлежащим ему имуществом. Тем самым законные интересы наследополучателя также нуждаются в правовой защите.

В контексте защиты прав (более того – жизни) наследодателя следует согласиться, что значительно более традиционными являются подозрения в отношении будущих наследников. Этому аспекту посвящено немало литературных произведений детективного жанра.

Снизить детективную составляющую в подозрении, что наследополучатель, как одна из сторон наследственного договора, будет заинтересована в приближении даты смерти наследодателя, позволит принятие изменений в законодательстве о недопустимости отмены наследственного договора наследодателем в одностороннем порядке. Доводы в пользу подобного решения приводятся выше. Но даже в том случае, если это предложение не будет воспринято законодателем, следует помнить, что любой выгодоприобретатель может быть признан недостойным наследником (ст. 1117 ГК РФ). Тем более если речь будет идти о наследнике, который своими действиями тем или иным образом приближал наступление даты принятия наследства.

Довод об аморальности института наследственного договора как «договора с покойником» (потенциальным) нельзя признать приемлемым для научной дискуссии о допустимости его применения при регулировании отношений наследственного преемства. В качестве контрдовода достаточно обратить внимание критиков «договора с покойником» на другие договоры, применяющиеся в более значительных размерах, нежели наследственный договор. Одним из примеров выступают пожизненные аннуитеты, которыми регламентируются выплаты рентополучателю на протяжении оставшегося ему срока жизни (а этот институт применяется как минимум со времен Древнего Рима). Другим примером является договор страхования жизни, который при желании также можно обвинить в потенциальной аморальности.

В обоих приведенных случаях, равно как и при наследственном договоре, содержание юридического

соглашения включает в себя потенциальную смерть субъекта – одной из сторон договора. При этом не презюмируется, что потенциальные выгодоприобретатели от потенциальной смерти субъекта договора будут способны пойти на некие шаги, приближающие наступление страхового случая (при пожизненном страховании) или дату окончания выплат (при договорах аннуитета).

Среди вопросов, требующих правового разрешения, ситуация, когда после смерти одного из супругов брак признается недействительным. В действующем праве утверждается правило, что в таком случае совместное завещание супругов признается также недействительным и лишается своей юридической силы. Но это правило не может быть универсальным. Важно уточнить, являлся ли переживший супруг добросовестным; если да, то такое завещание может быть оставлено в силе, конечно, посредством обращения пережившего добросовестного супруга в суд за принятием соответствующего решения. Если суд установит добросовестность такого пережившего супруга, то обоснованно решение оставить совместное завещание в силе.

Коллизии правовой системы отношений наследственного преемства

Наследодатель, как установлено п. 8 ст. 1140.1 ГК РФ, вправе заключить один или несколько наследственных договоров с одним или несколькими лицами, которые могут призываться к наследованию. Если одно имущество наследодателя явилось предметом нескольких наследственных договоров, заключенных с разными лицами, в случае принятия ими наследства подлежит применению тот наследственный договор, который был заключен ранее.

Представляется, что правильнее применять наиболее поздний наследственный договор, который выражает последнюю волю наследодателя, по аналогии с правилом, действующим в настоящее время в отношении последующего завещания в соответствии с п. 2 ст. 1130 ГК РФ. Подобные предложения звучали еще на стадии рассмотрения законопроекта, в том числе среди тех, которые были направлены Правительством Российской Федерации. Но, к сожалению, они не были приняты.

Российское законодательство не содержит перечня мер, направленных на противодействие подобной ситуации, когда наследодатель заключит несколько наследственных договоров в отношении одного и того же имущества. Надлежит нормативно обозначить правовые и имущественные последствия подобного шага наследодателя.

Согласно п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ, «уведомление об отказе наследодателя от наследственного договора подлежит нотариальному удостоверению. Нота-

риус, удостоверивший уведомление об отказе наследодателя от наследственного договора, обязан в порядке, предусмотренном законодательством о нотариате и нотариальной деятельности, в течение трех рабочих дней направить копию этого уведомления другим сторонам наследственного договора».

Однако Основы законодательства Российской Федерации о нотариате не предусматривают подобного порядка направления уведомления. В ст. 86 Основ о нотариате установлено: «Нотариус передает заявления и (или) иные документы физических и юридических лиц другим физическим и юридическим лицам» (ч. 1). За выполнение этих действий взимается плата, а расходы по оплате услуг организаций почтовой связи или иных третьих лиц, связанные с передачей документов, оплачивает лицо, обратившееся за совершением нотариального действия. Но в ст. 1118 Гражданского кодекса предусмотрено именно направление уведомлений: «Если нотариус удостоверяет последующее завещание одного из супругов, принимает закрытое последующее завещание одного из супругов или удостоверяет распоряжение одного из супругов об отмене совместного завещания супругов при жизни обоих супругов, он обязан направить другому супругу в порядке, предусмотренном законодательством о нотариате и нотариальной деятельности, уведомление о факте совершения таких последующих завещаний или об отмене совместного завещания супругов». В связи с этим необходимо внести уточнения в закон в части установления обязанности направления через нотариуса в порядке, предусмотренном законодательством о нотариате, самих уведомлений, а не их копий.

Необходимость выхода из правовой коллизии о необходимости тайны завещания обусловила внесение в статью 1123 ГК соответствующего дополнения: «Не является разглашением тайны завещания представление нотариусом, другим удостоверяющим завещание лицом сведений об удостоверении завещания, отмене завещания, представлении нотариусом сведений об удостоверении наследственного договора, уведомления об отказе наследодателя от наследственного договора в единую информационную систему нотариата в порядке, установленном Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, а также направление уведомления о факте совершения после совместного завещания супругов последующего завещания одного из супругов или об отмене одним из супругов совместного завещания супругов либо направление сторонам наследственного договора копии уведомления об отказе наследодателя от наследственного договора» (Часть третья введе-

на Федеральным законом от 2 октября 2012 года № 166-ФЗ «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Российской Федерации»; в ред. Федерального закона от 19 июля 2018 года № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Существует недопонимание и в части требования о видеофиксации заключения совместного завещания: «При удостоверении совместного завещания супругов нотариус обязан осуществлять видеофиксацию процедуры совершения совместного завещания супругов, если супруги не заявили возражение против этого».

Риски имплементации наследственного договора в правовую систему России

Учитывая вышесказанное и признавая потенциальную полезность институтов наследственного договора и совместного завещания, нельзя огульно отклонять доводы критиков [Гаджиев, 2019. С. 76–80; Картавенко, 2018; Соломин, Соломина, 2020. С. 48–57; Устимова, Рассказова, 2020. С. 86–90; Беляева, 2022. С. 136–145], которые считают включение их в правовую систему России преждевременным или нецелесообразным. Среди доводов против включения института наследственного договора в правовую систему России, помимо теоретико-правовых подходов, обосновывается, что «потребности в составлении завещания, а тем более договоров, по оценке нотариусов – “ничтожны”» [Картавенко, 2018], что последний до 2019 года Пленум Верховного Суда РФ по наследственным вопросам состоялся в 2012 году¹, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 года, принятого после принятия изменения в ГК РФ, суд «не то, что не ссылается, а даже не упоминает о существовании трудностей судебной практики по наследственным делам, требующих разрешения, не указал ни на одну “проблемную” норму, которая требовала бы совершенствования, ни на одно нарушение принципа единства судебной практики» [Устимова, Рассказова, 2020. С. 86–90].

Не соглашаясь с подобными подходами, тем не менее следует понимать, что для эффективного применения новых институтов наследственного преемства надлежит серьезно посмотреть на их сочетаемость с другими институтами гражданского права. Без подобной работы существует опасность, что практика применения рассматриваемых инсти-

1 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2019 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (ред. от 24 декабря 2020 года).

Нормы и правила

тутов приведет к их отторжению со стороны граждан. В литературе уже появляются предположения [Демичев, 2020. С. 33–37; Феоктистов, 2022. С. 40–42; Конопляникова, Шагивалеева, 2023. С. 230–233; Сосипатрова, 2021. С. 30–38; Алексикова, Мельник, Малавкина, Ястребов, 2022. С. 134–139], что институт наследственного договора может пополнить собой перечень так называемых «мертвых» конструкций отечественного гражданского права. К таким «мертвым» конструкциям относят гражданско-правовые договоры, которые нашли место в Гражданском кодексе, но в силу недостаточной проработанности, отсутствия корреляции с другими правовыми институтами практически не применяются. К таковым эксперты причисляют: договор ренты (договор, по которому передаются деньги под выплату ренты); договор дарения имущественного права к себе (дарителю); договор аренды предприятия [Соломин, Соломина, 2020. С. 48–57].

При включении приведенных договоров в гражданское законодательство законодатель, вероятно, считал эти институты также полезными, но они не были восприняты практикой в силу целого ряда причин, не последние из которых – их противоречие общественной психологии, восприятию рисков и опасностей применения. Немало таких рисков и опасностей и у институтов наследственного договора и совместного завещания.

Избежать или, по крайней мере, минимизировать их, прийти к ситуации, при которой граждане увидят больше преимуществ и плюсов, нежели рисков применения, возможно только при проведении большой работы по инкорпорации указанных институтов не только в текст Гражданского кодекса, но и во всю систему гражданско-правовых договоров, когда речь идет о наследственном договоре, и в систему завещательных распоряжений, когда имеется в виду совместное завещание супругов. Пока же этот процесс находится лишь на начальной стадии. Так, Д.В. Лоренц предлагает «узаконить заключение договора купли-продажи и договора дарения на случай смерти; предусмотреть возможность заключения сделок, направленных на отчуждение наследства, и сделок между наследниками по распоряжению будущим наследством и т.д.» [Лоренц, 2019. С. 28–32]. Для оценки поступающих предложений необходимо время и глубокая теоретическая проработка, чтобы включение предлагаемых новых институтов не повлекло за собой дальнейший пересмотр всей системы гражданско-правовых договоров. Как видим, все они очень тесно взаимосвязаны между собой и с другими институтами не только гражданского права (наследственного, обязательственного), но и других отраслей права, прежде всего семейного.

Выводы

Оценивая сложности и трудности применения институтов наследственного договора и совместного завещания в России, надлежит продумывать корректировку (совершенствование) существующих правовых положений. В частности, при дальнейшем совершенствовании правового регулирования надлежит:

а) отменить право наследодателя в любое время произвести в одностороннем порядке отказ от наследственного договора;

б) предусмотреть возможность наследственного договора, которым будет оформлен отказ законного наследника от обязательной доли;

в) предусмотреть меры по окончательности наследственного договора, чтобы максимально возможное количество споров и претензий по отраженному в нем имуществу было разрешено при жизни наследодателя;

г) при сохранении возможности для наследодателя свободно распорядиться имуществом, ставшим предметом наследственного договора, при жизни дополнить правовое регулирование аспектом требования извещения наследополучателя о распоряжении имуществом и тем самым извлечением его из общей имущественной массы. При этом наделять наследополучателя правом требования компенсации расходов, которые он понес при подписании наследственного договора.

Существуют неясности в целом ряде значимых теоретических и правоприменительных вопросов:

– Возможна ли (или невозможна) переуступка прав по наследственным договорам?

– Должны ли бенефициары по наследственному договору продолжать выполнять договорные обязательства в случае их отказа от наследуемого имущества? Вопреки первой реакции, ответ на этот вопрос совершенно неочевиден; наследополучатель по наследственному договору принимает на себя обязательства в нотариальном порядке, и выход из наследственного договора также осуществляется в нотариальном порядке. В ходе процедуры выхода этот вопрос должен быть урегулирован.

– Каким образом сочетать при подписании наследственного договора договорные и завещательные инструменты? Допустимо ли в принципе включать в текст наследственного договора различные односторонние волеизъявления?

Можно надеяться, что детальное правовое урегулирование наследственного договора в гражданском законодательстве России на основе практики его применения и нотариального удостоверения позволит не только снять претензии морального толка к этому институту, но и сделать его эффективным инструментом в удовлетворении права гражданина на решение наследственных вопросов.

Литература

- Алексикова О.Е., Мельник Е.А., Малявкина Н.В., Ястребов А.Е. Актуальные проблемы формирования института наследственного договора в современной России. *Право и практика*. 2022. № 1. С. 134–139.
- Беляева И.А. Проблемные аспекты правовой конструкции наследственного договора. *Вестник РГГУ. Серия: «Экономика. Управление. Право»*. 2022. № 4. С. 136–145.
- Демичев А.А. Соотношение наследственного договора и завещания: дискуссионные проблемы. *Наследственное право*. 2020. № 4. С. 33–37.
- Гаджиев А.А. Анализ национальных подходов к регулированию наследственных договоров в правовых системах Германии и Франции. *Евразийский юридический журнал*. 2019. № 1 (128). С. 76–80.
- Картавенко Т. О предложениях по совершенствованию наследственного права. Издательский центр Федеральной нотариальной палаты. 2018. 22 марта. <https://notariat.ru/ru-ru/pubHshing-center/author/o-predlozhemyah-po-sovershenstvovaniyu-nasledstvennogo-prava/>
- Конопляникова Т.В., Шагивалеева И.З. Правовая природа наследственного договора. *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 9 (225). С. 230–233.
- Лоренц Д.В. Договоры mortis causa и договоры в отношении наследства. *Нотариус*. 2019. № 5. С. 28–32.
- Пилипсон Э. Особенности предмета договорного наследования. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2022. Т. 18. № 4. С. 63–71.
- Соломин С.К., Соломина Н.Г. К вопросу о достоверности правовой конструкции наследственного договора. *Вестник Омского университета. Серия: «Право»*. 2020. Т. 17. № 2. С. 48–57.
- Сосипатрова Н.Е. Наследственный договор: критический взгляд на правовую конструкцию. *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 11. С. 30–38.
- Устимова С.А., Рассказова Е.Н. Новое в наследственном договорном саморегулировании. *Вестник Московского университета МВД России / Право*. 2020. № 6. С. 86–90.
- Феокистов А.В. Наследственный договор в России. *Право и государство: теория и практика*. 2022. № 10 (214). С. 40–42.

References

- Aleksikova O.E., Melnik E.A., Malyavkina N.V., Yastrebov A.E. Current problems of forming the institute of the inheritance contracts in modern Russia. *Pravo i praktika*. 2022. No. 1. P. 134–139. In Russian
- Belyaeva I.A. Problematic aspects of the legal construction of the inheritance contract. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravleniye. Pravo»*. 2022. No. 4. P. 136–145. In Russian
- Demichev A.A. The relationship between inheritance contract and last will: controversial issues. *Nasledstvennoye pravo*. 2020. No. 4. P. 33–37. In Russian
- Foektistov A.V. Inheritance contracts in Russia. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2022. No. 10 (214). P. 40–42. In Russian
- Gadzhiev A.A. Analysis of national approaches to regulating inheritance contracts in the legal systems of Germany and France. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2019. No. 1 (128). P. 76–80. In Russian
- Kartavenko T. On the proposals for improving the law of succession. Izdatel'skiy tsentr Federal'noy notarial'noy palaty. 2018. March 22. <https://notariat.ru/ru-ru/pubHshing-center/author/o-predlozhemyah-po-sovershenstvovaniyu-nasledstvennogo-prava/>. In Russian
- Konoplyannikova T.V., Shagivaleeva I.Z. Legal nature of the inheritance contract. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2023. No. 9 (225). P. 230–233. In Russian
- Lorenz D.V. Mortis causa and inheritance contracts. *Notarius*. 2019. No. 5. P. 28–32. In Russian
- Pilipson E. Features of the subject of contractual inheritance. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodate'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 2022. Vol. 18. No. 4. P. 63–71. In Russian
- Solomin S.K., Solomina N.G. To the issue of reliability of the legal design for the hereditary contract. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*. 2020. Vol. 17. No. 2. P. 48–57. In Russian
- Sosipatrova N.E. An inheritance contract: a critical look at the legal construction. *Lex russica*. 2021. Vol. 74. No. 11. P. 30–38. In Russian
- Ustimova S.A., Rasskazova E.N. New in hereditary contract self-regulation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii / Pravo*. 2020. No. 6. P. 86–90. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Владислав Александрович Коган, индивидуальный предприниматель, аспирант Академии труда и социальных отношений (Российская Федерация, 119454, Москва, ул. Лобачевского, 90). E-mail: Koganvladislav@yandex.ru

Для цитирования: Коган В.А. Перспективы развития правового регулирования наследственного договора и совместного завещания в Российской Федерации. *Государственная служба*. 2023. № 6. С. 23–29.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Vladislav A. Kogan, Individual Entrepreneur, Graduate Student Academy of Labor and Social Relations (90, Lobachevsky St., Moscow, 119454, Russian Federation). E-mail: Koganvladislav@yandex.ru

For citation: Kogan V.A. Prospects for developing legal regulation of inheritance contracts and joint wills in the Russian Federation. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2023. No. 6. P. 23–29.